

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОГОВЫХ АКЦЕНТОВ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

ВАЛЕРИЯ ВАЙТКЯВИЧЮТЕ

Два слова или две словоформы, тождественные по фонематическому составу и по месту ударения, в литовском языке могут различаться качеством ударного слога и являться членами смысловой оппозиции. Относительно качества ударного слога в лингвистической литературе по языкам с музыкальным ударением имеются три мнения. Согласно первому — этим качеством считается лишь движение основного тона (ОТ). Согласно второму — это качество может быть различным [Кузнецов, 1970⁶, с. 505¹; Кузнецов, 1965, с. 112; Зиндер, 1979, с. 258]². Третье мнение по поводу качества ударного слога связано с вопросом о взаимоотношении слогового акцента со словесным ударением. При таком подходе в слоговом акценте разделяют динамический момент как ударность и мелодический как основной признак, характеризующий слоговой акцент. Этого мнения придерживаются и некоторые литуанисты. Напр., Э. Микалаускайте [1975, с. 77]³ пишет: „В литовском языке ударение является не только динамическим, но и тональным. Эту особенность мы называем слоговым акцентом (*priegaidė*)... Слоговой акцент (*priegaidė*) — это произнесение слога с определенной модуляцией тона“. Такое мнение занимает промежуточное место между вышеуказанными двумя мнениями. С одной стороны, Э. Микалаускайте вроде бы признает, что качество ударного слога характеризуется не только модуляцией тона, а, с другой, — то, что является не модуляцией тона, она относит не к слоговому акценту, а к ударению, хотя и то, и другое связано с одним и тем же ударным слогом⁴.

¹ Эта статья впервые была опубликована в 1961 г.

² Сторонников первого и второго мнения в литуанистике перечисляет А. Лайгонайте [1978, с. 13—14].

³ В этом посмертном издании опубликованы ее лекции по фонетике (магнитофонная запись, 1964 г.).

⁴ Так же определен слоговой акцент и в „Грамматике литовского языка“ [Вайткявичюте, 1965, с. 127—128], раздел фонетики которой, как говорится в предисловии, „особенно усердно редактировала Э. Микалаускайте“ [там же, с. 6]. Совершенно непонятно, почему А. Гирденис и А. Пупкис [1974, с. 108] считают В. Вайткявичюте „последовательной сторонницей музыкальной интерпретации“. Ведь в грамматике сказано: „Из упомянутых элементов словесного ударения литовского языка (динамического, музыкального и количественного. — В. В.) здесь приводится только музыкальный, как более исследованный“ [Вайткявичюте, 1965, с. 127—128].

Нельзя согласиться и с определением слогового акцента как слогового ударения, а слогового ударения — как выделения первой или второй части слога [Пакерис, 1967, с. 129]. Ведь слоговой акцент проявляется лишь в ударном слоге, а в безударных слогах того же слова он нейтрализуется, поэтому является основным средством выражения словесного, а не слогового ударения. Кроме того, решающую роль в слоговом акценте играет не факт выделения, а средство, от которого зависит качество ударного слога. Это отмечалось неоднократно [Кузнецов, 1970^а, с. 367^а; Кузнецов, 1970^б, с. 500].

На материале различных языков с музыкальным ударением — шведского, норвежского, японского, латышского и особенно сербохорватского — доказано, что качество ударного слога (слоговой акцент) выражается не одним средством, а определенным набором средств. И этот набор надо рассматривать как неделимое целое. Т. М. Николаева [1977, с. 186], говоря о слоговых акцентах словенского языка, приводит следующие теоретически возможные решения акцентной оппозиции в слове:

„Мелодические: 1) существенно движение тона внутри ударного слога; 2) существенно движение тона на последующем слоге, т. е. движение дву-сложно; 3) существенно высотное положение ударного слога по отношению к предударному слогу или к среднему тону.

Акцентные: 1) типы акцентов иерархически упорядочены по интенсивности, рассматриваемой в пределах ударного слога; 2) акцентное решение распространяется на ударный и заударный слоги.

Временные: каждый акцент имеет свое временное решение.

Все эти признаки, относящиеся к трем просодическим параметрам, могут взаимосочетаться и взаимокompенсироваться“ (выделено нами. — В. В.).

Интенсивность (I), с одной стороны, находится в определенных отношениях с длительностью (t) [Маак, Брауншвейг, 1954, с. 228; Росси, 1970, с. 780]. С другой стороны, интенсивность зависит от высоты основного тона (OT) [Задоевко, 1966, с. 116—117; Бондарко, 1977, с. 49]: при уменьшении частотного интервала I гласного может возрасти (т. е. могут существовать компенсационные отношения) или больший частотный интервал может сопровождаться большей интенсивностью (т. е. могут существовать отношения прямо пропорциональной зависимости) [Мальмберг, 1959, с. 206; Ивич, Лехисте,

^а Эта статья впервые опубликована в 1948 г.

1963, с. 61; Николаева, 1969, с. 97; Кадомцев, 1975, с. 4]. Интенсивность может компенсироваться длительностью [Задоевко, 1966, с. 119; Думкова, 1969, с. 192; Бровченко, 1970, с. 216] или длительностью вместе с высотой ОТ [Сokolova, 1960, с. 377, 390], а длительность — интенсивностью [Думкова, 1969, с. 192]; длительность и интенсивность не могут рассматриваться как две самостоятельные акустические характеристики словесного ударения [Бровченко, 1970, с. 215].

Исследования слоговых акцентов показали, что не только в разных языках, но и в разных диалектах одного и того же языка имеется особый способ реализации слоговых акцентов, особая просодическая система, которую раскрыть довольно трудно. И по этой причине даже долгие поиски разрешают говорить лишь о тенденции, а не о строгой закономерности⁶.

Как сочетаются и взаимокompенсируются *t*, *I* и *OT* при реализации слоговых акцентов литовского языка, до сих пор еще никто не пытался раскрыть, все признаки исследовались врозь; о сложности корреляции лишь намек содержится в одной из работ [Пакерис, 1968, с. 103—104]⁷. И ни один автор не сумел проявить обязательного свойства для исследователей отдельных языков: непрерывной оглядки на уже известные истины и на конкретные факты других языков и даже исследуемого (в случае анализа синтаксически ограниченной группы примеров) [Николаева, 1977, с. 65].

Более всего исследовалась *t* вокализма. Однако совершенно упускалось из виду немаловажное значение диалектной принадлежности дикторов. А. Пакерис этого даже не указывает [Пакерис, 1968]. Исследователи относительной длительности гласных [Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1970, с. 32] берут пять дикторов из весьма разных диалектных зон, к тому же не учитывая, что в

⁶ Только с учетом всего этого можно понять, почему сербохорватские слоговые акценты все еще исследуются, хотя с конца XIX в. до сих пор уже охарактеризовано более ста разных просодических систем сербохорватских наречий [Ивич, 1959, с. 23].

⁷ Весьма интересную заметку находим в статье П. С. Кузнецова [1965, с. 105]: „Впрочем, в языках, характеризующихся политоническим (музыкальным. — В. В.) ударением, при смене на протяжении ударяемого слога различных частотных (высотных) характеристик наблюдается и определенная смена характеристик интенсивности, частью параллельная частотной, частью отступающая от нее^{68*}“. И в указанной сноске автор пишет: „Интересные экспериментальные данные в отношении некоторых языков, характеризующихся политоническим (музыкальным. — В. В.) ударением, в частности, литовского, получены в недавнее время С. С. Высотским, но поскольку эти данные еще не опубликованы, я не могу о них здесь говорить“. Кстати, одним из дикторов в эксперименте С. С. Высотского был автор данной статьи.

шакяйских и юрбаркских местностях слоговой акцент циркумфлексного дифтонга удлиняет оба его компонента [Зинкявичюс, 1978, с. 32]. А в исследовании относительной длительности дифтонгов [Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1972, с. 4–5] указано место происхождения лишь одного из шести дикторов — Шакяйский район, дер. Норвайшяй.

Каковы же результаты исследования? Данные, полученные на материале одного наречия, противоречат данным, полученным на материале других наречий. Напр., по поводу длительности дифтонгов говорится: „...сложные дифтонги *au*, *ai*, *ei* как с нисходящим (акутовым. — *В. В.*), так и с восходящим (циркумфлексным. — *В. В.*) слоговым акцентом имеют одинаковую длительность (Пакерис, 1968, с. 106–107)...“ [Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1972, с. 7]. Авторы, как видим, ссылаются на статью А. Пакериса, а в ней говорится: „В словах, произнесенных с назывной интонацией, акутовые дифтонги иногда длиннее, чем соответствующие циркумфлексные, а иногда наоборот: акутовые дифтонги короче, чем циркумфлексные. Те и другие случаи встречаются почти в одинаковом количестве (выделено нами. — *В. В.*)“ [Пакерис, 1968, с. 106–107].

Противоречивые данные, приведенные в этих статьях, вполне объяснимы, так как даже в совершенстве владеющие литературным языком дикторы сохраняют способ реализации слоговых акцентов, свойственных родному наречию. Дело в том, что разные способы реализации могут не замечаться ввиду компенсации одного признака другим. Кстати, этот факт нашел подтверждение и в латышском языке [Стелле, 1971, с. 7].

Дальше авторы утверждают: „...длительность дифтонгов *au*, *ai*, *ei* не зависит от слогового акцента...“ [Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1972, с. 10], а в другом месте пишут: „В сложных дифтонгах *au*, *ai*, *ei* (а также и *ui*) соотношение по длительности отдельных компонентов дифтонгов строго зависит от слогового акцента“ [там же, с. 34]. Эти утверждения и противоречивы, и чересчур категоричны. Наши последние исследования разрешают внести в них пока что следующие коррективы: разница в длительности акутовых и циркумфлексных дифтонгов всегда выражается разной длительностью их компонентов: первый компонент акутового дифтонга длиннее первого компонента соответствующего циркумфлексного дифтонга, а второй компонент акутового дифтонга короче второго компонента циркумфлексного дифтонга⁸.

⁸ Данные, полученные нами на сепараторе и опубликованные еще в 1961 г., говорят о точно таком же соотношении компонентов, напр.: *áu* (*á* = 14°–16°, *u* = 10°–11°), *aũ* (*a* = 12°–14°, *ũ* = 19°–20°) и т. д. [Вайткявичюте, 1961, с. 41–42]. Однако авторы не указывают этих данных, а цитируют слишком обобщенные выводы [Вайткявичюте, 1960, с. 217] в резюме более равней статьи.

Однако не исключены случаи, когда весь акутовый дифтонг оказывается длительнее, чем тот же циркумфлексный. Или, наоборот, весь циркумфлексный дифтонг длительнее, чем тот же акутовый. Циркумфлексный гласный иногда тоже может быть короче соответствующего акутового, а, судя по омонимам Г. Даугирдайте [1970, с. 57–59], акутовые слитные дифтонги *ie*, *uo* могут быть длиннее, чем соответствующие циркумфлексные. По нашим подсчетам на ее примерах в произношении диктора J. K. отклонения составляют 15%, а в произношении V. V. – 17 (оба диктора – представители одного наречия).

Частичные расхождения результатов, полученных разными авторами на материале разных наречий, лучше раскрывают варьирование длительности как дифтонгов в целом, так и их компонентов, которое зависит либо от наречия диктора, либо от индивидуальных его особенностей, либо от того, что длительность компенсируется другими параметрами. Такое не выходящее за пределы нормы варьирование нельзя игнорировать.

Кривые мелодики, приведенные разными исследователями, не совпадают. А. Пакеряс [1968, с. 99] говорит, что полученные им кривые движения ОТ не противоречат кривым академической грамматики, однако имеются расхождения⁹. А А. Гирденис и А. Пупкис [1974, с. 118], получившие совершенно другие кривые, обвиняют предшественников в фальсификации данных: „Такие различные кривые тона и интенсивности¹⁰, какие находим в академической грамматике (Вайткявичюте, 1965, с. 130–135), можно найти только во фразах неодинаковой интонации (напр.: примеры циркумфлекса подобранных из вопросительных и перечислительных фраз, акута – из конца повествовательных фраз)“. Подвергнутые А. Гирденисом и А. Пупкисом статистической оценке усредненные данные таблиц диапазона основного тона, длительности и т. д., которые выражены одной общей цифрой для всех дикторов (трех мужчин и двух женщин), не могут показать, какая тенденция реализации слогового акцента является характерной для произношения каждого диктора как представителя своего наречия (их дикторы – западные аукштайты: двое по происхождению „велёнишкяй“, трое – пиетиняй „южные“) и какие тенденции являются общими для представителей разных наречий. Поиски общей для разных наречий схемы реализации слоговых акцентов, к тому же без учета средней индивидуальной высоты ОТ мужчин и женщин, являются поисками

⁹ Ниже нами сказано, что высотные различия слоговых акцентов заключаются вовсе не в контуре движения ОТ.

¹⁰ Кривых интенсивности, о которых здесь говорят авторы, в Грамматике нет – тогда еще не было методики для исследования интенсивности.

фигуры, и совпадение полученных таким образом данных с данными любого другого наречия может быть лишь случайным¹¹.

А. Пакерис, Т. Плакунова, Я. Урбелене [1979, с. 288] (место происхождения шести дикторов не указывается) приходят к следующему выводу: „В зависимости от слогового акцента долгие ударные гласные... различаются в основном по местонахождению максимума и величине интервала падения основного тона к концу звучания“¹². Полученные нами данные показывают, что высотные и силовые просодические различия, нередко объединяющие представителей разной диалектной принадлежности, зависят не от характера движения ОТ (тонального контура) и I, а от различного высотного положения этих двух параметров. Однако детально об этом – в отдельной работе.

А. Гирденис и А. Пупкис [1974, с. 125] полагают, „...что при восприятии акцентов существенную роль играют не просодические, а спектральные признаки (т. е. относительная энергия формантной структуры)“, и приводят два аргумента: 1) что „...слоговые акценты хорошо воспринимаются в шепотной речи“ и 2) что „...циркумфлексные гласные с „отсеченным“ при помощи сегментатора началом (переходным моментом) производят впечатление акутированных“.

Следует сказать, что проведенное нами специальное исследование слоговых акцентов в шепоте показало, что различие акута и циркумфлекса в этих условиях сохраняется за счет незвуковысотных компонентов слоговых акцентов¹³. Что касается второго аргумента, то эксперимент со стиранием начальных участков звучания обычно помогает выяснить, несет ли стираемый участок нужную для восприятия информацию или не несет [Дукельский, 1962, с. 36; Румянцев, 1972, с. 24]. Приведенные авторами слова *dūla*, *dōras*,

¹¹ Тщательной проверки требует утверждение авторов, что диапазон акутовых и циркумфлексных гласных, не выходящий за пределы малой терции, различать слоговые акценты не может [Гирденис, Пупкис, 1974, с. 111]. Дифференциальные пороги восприятия частоты ОТ, установленные Дж. Фланаганом и Сослоу [Фланаган, 1968, с. 280] и проверенные на сербохорватском языке, доказывают, что изменение частоты ОТ на 1% будет услышано и правильно идентифицировано более чем в 90% [Пурцелл, 1972, с. 998]. Авторы сопоставляют омонимы *košē* ‘каша’ – *košē* ‘цедилы’, относящиеся к разным частям речи и синтаксически выполняющие разную роль и по этой причине в интонации фразы несопоставимые. Сделанные авторами выводы нуждаются в проверке.

¹² Отсутствие статистической обработки материала не является недостатком других работ, как думают авторы (там же, с. 282). Методика исследования интонационных фактов как умышленно упрощенное моделирование является полностью оправданной [Николаева, 1969, с. 7; Кадомцев, 1975, с. 3–4]. Кстати, в исследованиях слоговых акцентов сербохорватского и словенского языков, которые указываются и в данной статье, также отсутствует статистическая обработка материала, но тем не менее эти работы еще не превзойдены.

¹³ Результаты указанного исследования изложены в отдельной статье.

gõžī со стертým начальным согласным и началом гласного, воспринимающиеся как слова ūla, ógas, óžī (абсолютизировать это явление нельзя!), подтверждают, что стертый участок является существенным „информантом“ о различии акутового и циркумфлексного гласных. В результате стирания этого участка происходит нивелирование циркумфлекса и акута также и по длительности, что влечет за собой полное неразличение слоговых акцентов.

Правда, приоритет мысли о том, что фонологическое противопоставление акута и циркумфлекса базируется не на просодических, а на ингерентных признаках, принадлежит А. Пакерису [1968, с. 118] и коллективу авторов [Микалаускайте, Свецевичюс, Пакерис, 1970, с. 656—657]. Не дискутируя по поводу аргументов, которые, как пишут авторы, якобы доказывают важность ингерентных признаков, мы хотим лишь подчеркнуть, что против существенной роли ингерентных признаков при восприятии слоговых акцентов говорит сама их сущность: „Просодические признаки проявляются лишь в фонемах, образующих вершину слога, и могут быть определены только в отношении к рельефу слога или последовательности слогов, ингерентные же признаки присущи фонемам безотносительно к их роли в рельефе слога“ [Кузнецов, 1970^а, с. 492]¹⁴. Данный этап исследований слоговых акцентов литовского языка не дает возможности для полной фонологической трактовки их, ибо еще нет достаточно глубокой фонетической характеристики просодической природы слоговых акцентов литовского языка.

LIETUVIŲ KALBOS PRIEGAIÐŲ TYRINĖJIMO KLAUSIMU

Reziūmė

Remiantis kitų muzikinį kirtį turinčių kalbų patirtimi, dėl lietuvių kalbos priegaidžių tyrinėjimo prieita prie šių išvadų: 1) negalima nagrinėti t, OT ir I atskirai, nes šie parametrai labai glaudžiai tarp savęs susiję; 2) būtina atsižvelgti į diktorių tarminę priklausomybę, nes ir literatūrinė kalba kalbantys diktoriai išlaiko savo patarmės priegaidžių realizavimo būdą; 3) inherentinių požymių lemiamą vaidmenį priegaidei suvokti nuneigia pati šių požymių esmė ir iki šiolei pateiktų argumentų nepagrįstumas.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко, 1977 — Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. — М., 1977.

Бровченко, 1970 — Бровченко Т. А. Энергетический коррелят словесного ударения. — В кн.: Proc. ICPS, 1970, с. 215—217.

Вайткявичюте, 1960 — Vaitkevičiūtė V. Lietuvių kalbos balsių ir dvibalsių ilgumas, arba kiekybės. — Кн.: Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1960, т. 3, с. 207—217.

¹⁴ Эта статья впервые была опубликована в 1958 г.

- Вайтквявичюте, 1961 – Vaitkevičiūtė V. Lietuvių literatūrinės kalbos balsinės ir dvibalsinės fonemos. – Кн.: Lietuvių kalbotyros klausimai. V., 1961, т. 4, с. 19 – 47.
- Вайтквявичюте, 1965 – Vaitkevičiūtė V. Fonetika. – Кн.: Lietuvių kalbos gramatika. V., 1965, т. 1, с. 42 – 157.
- Гурденис, Пупкис, 1974 – Girdenis A., Pupkis A. Pietinių vakarų aukštaičių priegaidės (prozdiniai požymiai). – Кн.: Eksperimentinė ir praktinė fonetika. V., 1974, с. 107 – 125.
- Даугирдайте, 1970 – Daugirdaitė G. Dabartinės lietuvių literatūrinės kalbos sustartinių dvibalsių (ie) ir (uo) trukmė. – Кн.: Kalbos garsai ir intonacija. V., 1970, с. 55 – 71.
- Дукельский, 1962 – Дукельский Н. И. Принципы сегментации речевого потока. – М. – Л., 1962.
- Думкова, 1969 – Думкова И. Б. Тон и ударение в китайских двусложных и трехсложных словах. – В кн.: Спектральный анализ звуков речи и интонация. М., 1969, с. 182 – 206.
- Задосенко, 1966 – Задосенко Т. П. Фонетическая природа словесного ударения в современном китайском языке. – В кн.: Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М., 1966, с. 108 – 134.
- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М., 1979.
- Зинкявичюс, 1978 – Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos dialektologija. – V., 1978.
- Ивич, 1959 – Von Ivić P. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene im serbokroatischen Sprachraum. – Phonetika, 1959, N 3, с. 23 – 38.
- Ивич, Лехисте, 1963 – Ivić P. i Lehiste I. Prilozi ispitivanju fonetske i fonološke prirode akcenata u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku. – Zbornik za filologiju i lingvistiku, 1963, No 6, с. 31 – 71.
- Кадомцев, 1975 – Кадомцев О. Г. Об использовании статистики в фонетическом эксперименте. – ZPh, 1975, Bd. 28, N. 1, с. 3 – 7.
- Кашельсон, 1966 – Кацельсон С. Д. Сравнительная акцентология германских языков. – М. – Л., 1966.
- Кузнецов, 1965 – Кузнецов П. С. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. – В кн.: Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965, с. 84 – 115.
- Кузнецов, 1970^a – Кузнецов П. С. О дифференциальных признаках фонем. – В кн.: Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 485 – 493.
- Кузнецов, 1970^b – Кузнецов П. С. О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем. – В кн.: Из история отечественной фонологии. М., 1970, с. 500 – 505.
- Кузнецов, 1970^в – Кузнецов П. С. К вопросу о фонологии ударения. – В кн.: Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 360 – 367.
- Лайгонайте, 1978 – Laignonaitė A. Lietuvių kalbos akcentologija. – V., 1978.
- Маак, Брауншвейг, 1954 – Maack A., Braunschweig. Die Korrelation Akzent/Quantität. – ZPh, 1954 Bd 8, N. 3–4, с. 226 – 238.
- Мальмберг, 1959 – Malmberg B. Bemerkungen zum schwedischen Wortakzent. – ZPh, 1959, Bd 12, N. 1–4, с. 193 – 207.
- Микалаускайте, 1975 – Mikalauskaitė E. Lietuvių kalbos fonetikos darbai. – V., 1975.
- Микалаускайте, Швецевичюс, Пакерис, 1970 – Микалаускайте Э., Швецевичюс Б., Пакерис А. Релевантные признаки просодии слога в современном литовском литературном языке. – В кн.: Proc. ICPS, 1970, с. 655 – 657.

Николаева, 1969 — Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. — М., 1969.

Николаева, 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. — М., 1977.

Пакерис, 1967 — Pakerys A. Apie kirtį. — Kalbotyra, 1967, т. 17, с. 129—134.

Пакерис, 1968 — Pakerys A. Lietuvių literatūrinės kalbos sudėtinių dvibalsių au, ai, ei akustiniai požymiai. — В кн.: Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga. V., 1968, т. 3, с. 97—118.

Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1970 — Пакерис А., Плакунова Т., Урбелене Я. Относительная длительность гласных литовского языка. — В кн.: Kalbos garsai ir intonasija. V., 1970, с. 30—54.

Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1972 — Пакерис А., Плакунова Т., Урбелене Я. Относительная длительность дифтонгов литовского языка. — В кн.: Garsai, priegaidė, intonasija. V., 1972, с. 3—36.

Пакерис, Плакунова, Урбелене, 1979 — Пакерис А., Плакунова Т., Урбелене Я. Основной тон гласных литовского языка. — ZPh, 1979, Bd 32, H. 3, с. 282—288¹⁵.

Пурцелл, 1972 — Purcell E. T. The acoustic differentiation of Serbo-Croatian word-tones in statement environments. — In : Proc. ICPS, 1972, p. 997—999.

Росси, 1970 — Rossi M. Sur la hiérarchie des paramètres de l'accent. — In : Proc. ICPS, 1970, с. 779—786.

Румянцев, 1972 — Румянцев М. К. Тон и интонация в современном китайском языке. — М., 1972.

Соколова, 1960 — Соколова М. А. Экспериментально-фонетическое исследование словесного ударения в английском языке. — В кн.: Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. М., 1960, т. 20, с. 373—408.

Стелле, 1971 — Стелле А. Акустическая характеристика ударного вокализма латышского литературного языка: Автореф. канд. дис. — Рига, 1971.

Фланаган, 1968 — Фланаган Дж. Анализ, синтез и восприятие речи. — М., 1968.

Гос. консерватория
Литовской ССР

Вручено
1 ноября 1980 г.

¹⁵ Кстати, и в новейших работах [Пакерис А. Lietuvių bendrinės kalbos prozodi- ja. V., 1982] не соблюдаются приведенные нами условия исследования слоговых акцентов.